

Регистратор Сюй ума не мог приложить, о чем только думает уездный судья. Сбор податей шел полным ходом, зерно везли уже из второй деревни, а господин уездный судья так ни разу и не появился.

На душе у Сюя было беспокойно, однако он лишь пуще торопил писцов. Стоит один раз утвердить размер налога за первый год, и дело сделано — изменить это решение в будущем окажется задачей почти невыполнимой.

Конечно, сам Сюй этого не желал. Подати вышли непомерно высокими. В сытый, урожайный год люди еще как-то перебьются, но случись неурожай или мор — как им выживать?

О суровом и буйном нраве северян недаром слагали легенды. Из-за бесконечных войн и близости к границе здесь веками смешивались разные племена. И пусть от таких союзов действительно рождались писанные красавцы и красавицы, крутого и опасного люда среди них тоже хватало.

Стоит человеку с богатырским сложением занять еще и острый, изворотливый ум... Хех, столкни его с явной несправедливостью — и бунта не избежать.

Регистратор Сюй взялся за это лишь для того, чтобы уберечь уездного судью от неминуемой беды. Иначе он мог бы преспокойно умыть руки, и тогда глупому чиновнику несдобровать. Но разгребать последствия народного гнева в итоге все равно пришлось бы самому регистратору, а ему этого совершенно не хотелось.

Впрочем, судя по всему, уездный судья Ма Чун был... круглым дураком.

А раз уездный судья оказался набитым тюфяком, то и Сюю больше нечего было церемониться.

Пока регистратор гнул свою линию, Дин Тянь, узнав о последних новостях из управы, только диву давался:

— Что ты говоришь? Личный советник Цянь... слег без чувств?

— Вот именно! — Лю Сэнь редко заглядывал к нему в последнее время, но сейчас прямо с порога огорошил ошеломительной новостью. — Поговаривают, всему виной...

Слухи о том, что творилось за закрытыми дверями внутренних покоев управы, давно разнеслись по городу благодаря вездесущим кумушкам. И хотя семейная драма разыгралась в глубине усадьбы, обыватели смаковали каждую деталь. Одни гадали, насколько же прекрасна наложница Жужуй, раз сумела до такой степени вскружить голову уездному судье. Другие шептались о суровом нраве госпожи Ма, которая умудрилась уложить на лопатки даже прожженного личного советника Цяня.

Подобные пикантные сплетни со временем обрастали все более двусмысленными подробностями.

К тому же сейчас наступило затишье после жатвы, крестьяне массово съезжались в город для сдачи зерна, так что у праздного люда не оставалось иного развлечения, кроме как чесать языки.

— Наш уездный судья забросил все дела и носа из внутренних покоев не показывает, — многозначительно добавил Лю Сэнь, который всегда отличался наблюдательностью. — Как думаешь, у регистратора Сюя из-за этого не возникнет неприятностей?

— Раз он решился на это, значит, твердо знает, что делает. Тебе-то какая печаль? — Дин Тянь с улыбкой протянул приятелю два румяных пирога с вяленным мясом. — Возвращайся на службу. Даже если судья Ма отлынивает от дел, нам отлынивать не пристало.

Проводив Лю Сэня, Дин Тянь немного постоял на крыльце, размышляя о случившемся, а затем отправился на рынок. Там он без труда отыскал своих односельчан и велел передать в деревню:

— Как вернетесь, собирайте народ! Будем строить дом!

В такое смутное время вмешиваться в чужие распри было делом пустым и опасным. Лучше уж спокойно следовать собственным планам. Дин Тянь рассудил, что сейчас самое время взяться за строительство, пока держится сухая погода и можно быстро возвести стены.

— Будет сделано! — обрадовались мужики.

Возможность заработать денег после окончания полевых работ всегда была для крестьян в радость. К тому же осень на севере скоротечна, зима наступает стремительно, а здешние морозы настолько лютые, что в зимнюю пору никто и носа на улицу не высунет, не то что работать.

Пока Дин Тянь с головой ушел в строительные заботы, регистратор Сюй вовсю собирал недоимки. Уездный судья Ма Чун окончательно погряз в дрязгах внутренних покоев, а личный советник Син, хоть и был мастером по части уголовных дел, в вопросы сбора налогов соваться не смел. Финансами в управе заправлял исключительно личный советник Цянь, и лезть в чужую вотчину считалось делом не только недопустимым, но и неблагодарным: наживешь врага, а случись какая ошибка — сам же и останешься виноватым. Личный советник Син глупцом не был, а потому держался от амбаров подальше.

В результате дело со сбором налогов так и шло само по себе.

А Дин Тянь тем временем увлеченно обустривал свое будущее жилище.

Стоило ему кинуть клич, как на следующий же день в город потянулись работники. Дин Тянь не стал нарушать заведенный порядок: арендовал в постоялом дворе две просторные общие комнаты на нарах и договорился с хозяйской кухней, чтобы строителей кормили сытно, трижды в день.

Плату он положил хоть и не баснословную, но вполне достойную: каменщики получали по пять лянов серебра, чернорабочие — по четыре, а подмастерья — по три.

Строить требовалось споро — если ударят заморозки до того, как просохнет глина и раствор, пиши пропало.

Поэтому Дин Тянь договорился о сдельной оплате за всю работу, не растягивая сроки.

Земельный участок в уездном городе ему достался огромный. Второй дядя, Дин Дацзян, вызвавшийся руководить стройкой, самолично разметил границы. По его решению будущую усадьбу не стали прижимать вплотную к уездной управе, а отступили около десяти метров, прежде чем возводить забор. Таким образом, между домом Дин Тяня и стеной управы образовался приличный пустырь.

— Дядя, а зачем оставлять столько места? — недоумевал Дин Тянь, разглядывая разметку. — Для прохода? Но не слишком ли он широкий?

<http://bllate.org/book/19387/1997464>